

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

В ЖАНРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИКОЛА

Аннотация. Предлагается термин «политприкол» для обозначения не свойственного ранее политическому дискурсу жанра, основанного на языковой игре. Рассматривается генезис жанра, возводимого к поддевам детского фольклора. Политприколы анализируются и классифицируются с точки зрения тематики, мотивов и приемов языковой игры.

Ключевые слова: языковая игра; трансформация; ассоциативный потенциал; языковая личность; лингвокреативность; прикол; поддевка; смеховой фольклор.

Сведения об авторе: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 281.

e-mail: tatiana_gridina@mail.ru.

WORD GAME

IN THE GENRE OF POLITICAL JOKE

Abstract. The term «political joke» is offered to name the genre of political discourse built on the basis of word game, which was not typical of this kind of discourse. The genesis of the genre is described, its roots are found in children folklore. Political jokes are analyzed and classified from the point of view of theme, motive and ways of word game.

Key words: word game; transformation; associative potential; language personality; lingo-creativity; joke; tease; joke folklore.

About the author: Gridina Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Современная языковая ситуация характеризуется высоким рейтингом деканонизированных форм речевого поведения, что выражается в том числе в активном использовании говорящими широкого регистра приемов языковой игры (ЯИ). «Игровые трансформации» обнаруживают неожиданные возможности интерпретации языковых знаков, выявляя их ассоциативный потенциал. Последний образуется всей совокупностью ассоциативных реакций, которая может возникать в сознании носителей языка в процессе использования, восприятия и порождения вербальных единиц, т. е. отражает весь спектр функционально-динамических репрезентаций знака, сопряженный с присвоением языковых значений и форм конкретными носителями языка (с учетом гендерных, возрастных, этнических, социальных, культурных, когнитивных и т. п. факторов, влияющих на ассоциативный тезаурус языковой личности) [Гридина 1996, 2008].

Основополагающий принцип ЯИ, с нашей точки зрения, заключается в актуализации психологически релевантных для носителей языка многовалентных ассоциативных связей знаковых единиц и намеренном использовании нестандартного кода их употребления, восприятия и порождения (при «обнаружении» и одновременном переключении, ломке ассоциативных стереотипов с помощью специальных лингвистических приемов). В этом смысле ЯИ может быть определена как особая форма лингвокреативного мышления [Гридина 1996], в основе которого лежат ассоциативные механизмы, позволяющие создавать нечто новое на базе уже познанного.

Экспансия ЯИ в современных коммуникативных практиках проявляется прежде всего в том, что она приобретает все большую свободу, «легализуется» в общественном сознании. Яркое тому свидетельство — чрезвычайно возросшая популярность малых жанров ЯИ, которые получают полуофициальные «терминологические» обозначения: антипословицы (В. М. Мокиенко), афона-

ризмы (ср. соответствующую рубрику «Литературной газеты»), приколы («Русское радио»).

Содержание последнего термина в его новой функциональной ипостаси требует специального комментария. В традиционном игровом (преимущественно детском) фольклоре *прикол* в известной степени соответствует жанр *поддевки*, которая определяется как некий «искусственный диалог, где следует ожидать возможности быть пойманным (поддаться на слове) совершенно неожиданно для себя» [Виноградов 1978: 175]. Один из коммуникантов, «шутки ради», чтобы посмеяться, «поддевает» своего собеседника и ставит его в смешное положение; «поддетый» может оказаться новичком, не знающим этой шутки: *Федя, скажи „поп“*. — *А че? Ну, скажу „поп“*. — *Твой отец клоп* [Капица, Колядич 2002: 109—111]. Трансформация жанра «поддевки» в условиях современной языковой ситуации (под влиянием новой информационной среды и изменений в социально-политической сфере) придает ему черты *прикола* — остроумного высказывания, построенного на эффекте обманутого ожидания, ассоциативной провокации [Гридина 1996].

В новом социальном контексте *прикол* выступает как жанр «фольклорных молодежных субкультур (наряду с мультками, фенечками, стёбом)» [Щепанская 1993].

В недавно вышедшей «Энциклопедии отечественных приколов» [Кожевников, Тихонова 2010] отмечается, что *прикол* — условное название для достаточно разных по своей «установке» высказываний. Общим для всех единиц такого рода является представление мысли в парадоксальной форме, что побуждает адресата к декодированию содержащегося в ней прямого и косвенного «смысла» (намек, подтекста, отсылки к конкретной или типовой ситуации и более широкому ассоциативному фону, с ней связанному).

В настоящее время этот жанр проникает в том числе в сферу политической коммуникации, в свя-

зи с чем можно выделить в особую тематически ориентированную группу — *политприколы* (термин наш. — Т. Г.). *Политприкол* как остроумное высказывание с «политической подоплекой» дает возможность выявить «технику» и функции языковой игры в выражении социальной оценки применительно к событиям политической жизни.

Материал для анализа извлечен нами методом сплошной выборки из «Энциклопедии отечественных приколов» А. Ю. Кожевникова, Т. Б. Тихоновой [Кожевникова, Тихонова 2010]. (Отметим, что в этом «энциклопедическом» издании активно используются данные словаря В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» и другие источники современной афористики. При цитировании этих источников нами приводятся соответствующие авторские ссылки из издания: [Кожевников, Тихонова 2010]).

Среди *политприколов*, представленных в данной книге, можно выделить две группы: 1) непреднамеренные приколы, своего рода политические «ляпсусы», иногда неожиданно точные (соответствуют ситуации «А как хорошо сказал, не подумавши!» — А. И. Брежнев); ср., напр.: *Реформы находятся на таком этапе, когда они не видны* (В. Черномырдин); 2) остроумные высказывания на политические темы разных авторов (в том числе самих политиков) — афоризмы на социально-политические темы (на злобу дня), напр.: *Адвокаты делятся на две категории: одни хорошо знают закон, другие — судью subscribe.ru* (А. В. Лаврухин).

Нас будут интересовать прежде всего политприколы второго типа, преднамеренно создающие парадоксально-игровое «напряжение», содержащие «ловушку», рассчитанную на способность адресата считать некую импликацию, иносказание, нестандартный языковой код (иначе говоря, *политприколы* как жанровая форма языковой игры).

Политприколы охватывают довольно широкий спектр актуальных для современного социума «реалий», отражая оценочные векторы их восприятия. Охарактеризуем наиболее типичные тематические сферы и типы социальных оценок, проявленные в жанре политприкола, с учетом используемой «техники» языковой игры.

ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН РОССИИ К ДРУГИМ СТРАНАМ И НАЦИЯМ (РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИТЕЗЫ «У НИХ — У НАС» КАК ЧАСТНОГО СЛУЧАЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ «СВОИ — ЧУЖИЕ»). В рамках данной оппозиции наблюдается ряд мотивов, отражающих стереотипные представления о чертах национального характера иностранца. Весьма популярным мотивом, темой, разрабатываемой в политических афоризмах, является образ *Америки и американцев*.

Америка — хорошая страна, но лично для меня в ней есть один недостаток — американцы. Актуализированный в высказывании парадокс (противопоставление *Америка — американцы*) на уровне бытового сознания вызывает мысль о чужеродности для русского человека образа жизни и поведения американцев. Ср., в частности, юмористические миниатюры М. Задорнова, в которых высмеивается «несообразительность» американцев в сравнении со «смекалкой» наших соотечественников.

Мотив противопоставления национальных черт русских и американцев весьма популярен в жанре «политприкола». Напр.: *Американцы работают, если платят хорошо. Русские работают, если платят — хорошо!* (Вальтер, Мокиенко 2005: 29). Смеховой эффект в данном случае построен на намеренном смещении логического ударения, меняющем смысл формально тождественных сегментов в первой и второй части высказывания. Игровая семантико-синтаксическая «контраверза» смоделирована постановкой тире в качестве средства выдвигания (акцентирования) «новой» ремы. Так, в первой фразе актуализирован смысл «американцы хорошо работают за хорошую зарплату = и только при этом условии»; вторая часть высказывания содержит импликацию «русские привыкли работать „задаром“, за идею, а если им еще и платят за работу, то это хорошо»; возможна и другая интерпретация: русские работают спустя рукава, довольствуясь даже малым вознаграждением. Такое неоднозначное «прочтение» формально тождественных структур создает эффект ЯИ, основанный на конструктивном принципе *ассоциативного контраста* (здесь и далее классификация принципов ЯИ дана по следующим работам: [Гридина 1996; 2008]).

Представлен в жанре политприкола и **мотив эмиграции российских граждан в Америку**: *Судя по количеству людей, уезжающих в США, у них там еще не все штаты заполнены* (Е. Микунев). Фраза обыгрывает омонимию слова *штаты*: штаты — рабочие места (*заполнение штатов* — обеспечение вакантных мест на предприятии кадрами) и *штаты* — пространственно-географическое понятие (Соединенные Штаты Америки; штат Алабама и т. д.). *Ассоциативное наложение* как конструктивный принцип ЯИ создает эффект неоднозначности высказывания, в частности затушевывая мысль о возможных *политических* причинах эмиграции.

Мотив экономической «нестабильности» американской экономики (на фоне экономического кризиса в России): *У каждого свои проблемы: у них — бешеные коровы, у нас — бешеные цены на говядину* (М. Бордюков). Обыгрывание многозначности прилагательного *бешеный* (намеренное столкновение прямого и переносного значений) создает эффект *ложной ассоциативной идентификации* — сравнения на разном основании.

Активно эксплуатируется (обыгрывается) в жанре политического прикола **тема национализма** (в различных его проявлениях): *Национализм — это не любовь к своей нации, а ненависть к чужой* (И. Н. Шевелев). Антонимическая игра создает дефиницию парадоксального типа (переворачивание привычной логики через «отрицательную идентификацию»: *ненависть к чужой нации не есть любовь к своему народу*).

В каждой нации есть свои евреи (М. Генин). В данном случае обыгрываются ассоциации, связанные с оценочными этностереотипами, что создает «считываемый» игровой подтекст (ср., например, устойчивые ассоциаты *еврей — Иуда, предатель, хитрый*). В основе данного «прикола» лежит легко выводимая импликация: еврей — не столько национальность, сколько оценочный «яр-

лык». Однако применение этой афористической фразы может быть различным в связи с широким спектром коннотаций ключевого слова *евреи*: например, для указания на «изгоев» в виде представителей определенной нации (при актуализации пропозиции «евреи — гонимый, страдающий народ»); смысл выражения содержит и намек на то, что евреи (люди, им подобные) недостойны доверия (прецедентом является факт предательства Иуды); при этом евреи обладают умом и «продолжительностью», способностью добиваться карьерного и коммерческого успеха.

«ПРОФАНИРОВАНИЕ» ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОГО СТРОЯ — одно из актуальных направлений юмористической экспансии в сфере политического дискурса.

Осмысление в ироническо-оценочном ключе лозунгов советской эпохи: *Мы создали такой крепкий экономический фундамент, с которого сдвинуть экономику нелегко* (С. Крытый). Намеренно смоделированный эффект обманутого ожидания («ассоциативной провокации» [Гридина 1996]) в данном случае обнаруживает противоречие между декларативными заявлениями о преимуществах советской экономики и ее реальным («плачевным») состоянием (весьма далеким от «процветания»). «Ассоциативное наложение» (одновременное восприятие прямого и переносного смыслов) клишированных формул *крепкий экономический фундамент и сдвинуть экономику* (с крепкого экономического фундамента) моделирует игровой нонсенс.

Перекодирование (дискредитирующая «расшифровка») советской символики. Ср.: *Серп и молот — коси и забивай* (fomenko. ru). *Серп и молот*, как известно, олицетворяют власть трудового народа, союз рабочих и крестьян (колхозников). При игровой (нарочито парадоксальной, эпатирующей) «расшифровке» символов *серп и молот* актуализируется их прямой (буквальный) смысл (*серп* — орудие для косьбы; *молот* — рабочий инструмент, используемый для нанесения удара большой силы при ковке) и одновременно ассоциативный смысл, наведенный сближением с императивами *коси* (ср. *косить* в выражении *смерть косит*) и *забивай* (ср. выражение *забивать насмерть*). Эти коннотации отсылают к ситуации политических репрессий («выкашивания» и «подавления» так называемых врагов народа), профанируя саму идею «демократии» в тоталитарном советском государстве. Ср. также: *Трудно не слушать того, кто выступает на бронеике* (Вальтер, Мокиенко 2005: 50). Отсылка к прецедентной ситуации (выступление В. И. Ленина на Финляндском вокзале с бронеика) создает необходимую пресуппозицию для отождествления советской власти с военной диктатурой.

Дискредитации подвергается в политприколах советские идеологемы «слуги народа», «служить народу», обращения «товарищи» и «господа».

Служить народу настолько трудно, что без прислуги не обойтись (А. В. Лаврухин). В данном выражении обыгрываются оценочные коннотации паронимических глаголов *служить* и *прислуживать*. Ассоциативная выводимость как конструктивный принцип ЯИ предполагает вос-

приятие мотивированности наименования в зависимости от наведенного мотиватора [Гридина 1996]. Столкновение перифразы *слуги народа* (мотивационно восходящей к *служить народу* 'отдавать все свои силы на благо общества, народа') с лексемой *прислуга* (мотивационно связанной с глаголом *прислуживать* в прямом значении 'находиться в услужении у кого-либо') создает эффект смыслового «перевертыша». С одной стороны, это намек на то, что дорвавшиеся до власти партийцы превратились из *слуг народа* в настоящих *хозяев жизни*, захвативших все высокие государственные посты и диктующих народу свою волю; с другой — намек на тех, кто готов «прислуживать» любой власти, чтобы находиться у «кормушки» (ср. систему политических мер, направленных на подавление свободы слова в тоталитарном советском государстве, в частности поощрение всеобщего «доносительства»).

Данный «политсюжет» получает развитие в обыгрывании статусных номинаций *товарищи* и *господа*, последняя из которых якобы манифестирует «подлинное» уважение к человеку (повышение его статуса в условиях нового, демократического общества), а на деле соответствует ситуации, когда реальными «господами» становятся те, кто, не гнушаясь никакими средствами, сделали финансовую или политическую карьеру: *Сколько товарищей потеряли на пути в господа!* (В. Сумбатов). Коннотации слова *господа*, не раз сменявшиеся в свете политических установок с положительных на отрицательные, в игровом политдискурсе обнаруживают новый (амбивалентный) оценочный потенциал: слово выступает в функции обращения с «семантикой» *уважительности* и одновременно в функции отрицательно-оценочного квалификатора социального (имущественного) расслоения современного общества.

В группе «политприколов» обыгрываются и дискредитируются идеологические клише советского строя *строительство светлого будущего, смотреть в будущее, дорога в светлое будущее: Строительство светлого будущего — это всегда незавершёнка* (С. Жижина); *Слишком светлое будущее непрактично* (Г. Малкин); *Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сегодня* (Вальтер, Мокиенко 2005: 174); *Темное прошлое постоянно бросает тень на светлое будущее* (Б. Зорькин); *В будущее надо смотреть с оглядкой* (А. И. Брежнев); *Будущее приходит и уходит, а прошлое остается* (А. Минаев); *Не оказалась бы дорога в светлое будущее кольцевой* (Г. Павлов); *Политические бури сносят и флюгера, показывавшие направление* (А. И. Брежнев). Эффект ЯИ строится на переключении высочайшей тональности идеологем в сниженный (обытовленный, профанный) регистр: клишированное выражение *строительство светлого будущего* буквально соотносится с предикатом *незавершенка*, ассоциативно отсылающим к ситуации *жилищного строительства* (долгостроя, невыполнения запланированного в срок); клише *светлое будущее* подвергается буквализации при помощи предиката *непрактично* («обытовленный образ» *светлого будущего* соотносится с пресуппозицией *светлое быстро пачкается* — об одежде; ас-

социативная идентификация создает имплицатуру: обещание светлого будущего — фантом, не имеющий ничего общего с реальностью); замена выражения *светлое будущее* синонимом *наше завтра* в составе компаративной конструкции *Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сегодня* пародирует «оптимистичные» максимы советской эпохи (ср. слова из известной песни «Птица счастья завтрашнего дня»: «Завтра будет лучше, чем вчера»); обыгрывается также оппозиция идеологических штампов *светлое будущее* — *темное прошлое*, последнее *бросает тень* на светлое будущее, заставляет *смотреть в будущее с оглядкой*; тупиковый вариант *дороги в светлое будущее* задает ассоциативная идентификация с *кольцевой дорогой*: *Не оказалась бы дорога в светлое будущее кольцевой* (Г. Павлов); наконец, *стремление в светлое будущее* уподобляется стихии (политической буре), которая *сносит флюгера, показывающие направление* (А. И. Брежнев). В последнем примере использована метафорическая техника ЯИ, актуализирующая оценочный подтекст.

В основе дискредитирующих игровых тактик в жанре политприкола нередко лежит синтаксически или семантически закодированная **оценочная антитеза**. Ср., например, обыгрывание сопоставительно-противительных конструкций *не столько... сколько*: *Патриот не столько хочет за что-то умереть, сколько кого-то убить* (Г. Малкин). Оппозиция смыслов *умереть за что-то* — *убить кого-то* в этом высказывании выражает оценку **псевдопатриотизма**. В другом афоризме на эту тему парадоксально противопоставляются синонимы *родина* и *отечество*: *Истинный патриот за отечество и родины не пожалеет!* (Вальтер, Мокиенко 2005: 342). Обыгрывание энантиосемии глагола в выражениях *не пожалеть (жизни) за родину* (отдать жизнь за отечество) / *родины не пожалеть* (= предать родину, ирон. поступиться моральными принципами ради сиюминутной выгоды) создает эффект ассоциативного наложения и содержит имплицатуру: демонстрация *любви к отчеству* еще не есть проявление истинного патриотизма (в данном афоризме, в частности, содержится намек на готовность псевдопатриота «родину продать» ради политической карьеры).

Иронизация на грани стёба (издевки) производится над словом *партия* в значении 'политический орган советской власти': *Партия: лес рук и пни голов* (А. И. Брежнев). В данном афористическом определении оценочной дискредитации подвергается идея однопартийного тоталитаризма. Аллюзия на ситуацию «единогласного» голосования (на съездах КПСС) выражена экспрессивным предикатом *лес рук*, ассоциативно подкрепленным окказиональной тематически тождественной метафорой *пни голов* (о безоговорочно, бездумно подчиняющемся партийным директивам и *поднимающем руки* большинству). Ср.: *Партия нового типа — это партия, которую возглавил новый тип* (Б. Зорькин) — политприкол, каламбурно обыгрывающий двусмысленность словосочетания *новый тип*, выступающего в разных синтаксических позициях. Это создает имплицатуру: декларируемое принципиальное отличие партии нового типа

от предыдущих на деле оборачивается лишь формальной сменой политического лидера.

Оценочно-дискредитирующая функция ЯИ в жанре политприкола проявляется в парадоксальном сближении, казалось бы, несовместимого с охватом различных аспектов содержания идеологических маркированных номинаций.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ, ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ.

Большевизм и фашизм — это, конечно, *борьба двух концов, а не двух начал* (А. Шполянский) — трансформация *борьба двух концов* в соотношении со своим антонимическим прототипом получает контекстуальный смысл «противостояние, не имеющее исторической перспективы» и служит средством идентификации двух противоборствующих политических режимов, обреченных «на провал и потерпевших крах» (ср. актуализированный буквальный смысл слов *конец* и *начало* в контексте приведенного высказывания). Ассоциативная идентификация содержит также имплицатуру «урон, нанесенный нации „красным террором“ и сталинскими репрессиями, сопоставим с фашистскими зверствами и геноцидом».

Диктатура и демократия как формы правления характеризуются как в соотношении друг с другом, так и по отдельности: *Диктатура — демократия по-военному* (А. В. Лаврухин); *Диктатура — это политический монолог* (А. И. Брежнев). В первом эвфемистическом определении иронически дискредитируется идея о «совместимости» демократии с военным принуждением (ср. аллюзии на выражения *военная демократия*, *диктатура пролетариата*, отсылающие к известной исторической ситуации). Во второй фразе акцентируется мысль о диктатуре как единовластии (диктатура как *политический монолог* не предполагает «ответной реплики», не учитывает мнения тех, кому «монолог» адресован).

Политические приоритеты разных групп социума — политическая активность/пассивность: *Мы не правые и не левые, потому что мы валенки* (fomenko.ru). Этот пример из рубрики «Приколы Русского радио» основан одновременно на деметафоризации (буквализации) значений идеологем **левые** — **правые** (сторонники политики левых или правых сил в политическом противостоянии) и метафорическом употреблении лексемы *валенки*. В данном случае актуализированный контекстом смысл слова *валенки* (пара, которую можно надевать на любую ногу) ассоциативно выражает идею *пассивности*, *глухого безразличия* так называемого электората (ср. выражения *сибирский валенок* и *прикинуться сибирским валенком*). ЯИ основана на эффекте ассоциативной провокации (обманутого ожидания). Глубина считывания данной имплицатуры может быть разной, в частности можно интерпретировать прикол как своеобразную декларацию «нейтралитета», позиции невмешательства, осторожности, основанной на исторических прецедентах (прежде всего, сталинских репрессиях за политическую «неблагонадежность», инакомыслие). Ср.: *Многие из тех, кто опередил свой век, вынуждены были ожидать его в местах не столь отдаленных* (И. Есипова). ЯИ подчеркивает абсурд-

ность ситуации, выстраивая неожиданную ассоциативную дугу между прогнозируемым и реализованным смыслом высказывания (опередить свой век — ожидать его в местах не столь отдаленных). *Опередившие свой век* отнюдь не те, кто достоин уважения (за ум, талант, проявленную инициативу), а те, кто неугоден правящей власти (политические «противники» Сталина и инакомыслящие граждане), чья инициатива оборачивается трагедией для них — ссылкой в лагеря (ср. эвфемизм *ожидать в местах не столь отдаленных*).

Ожидание перемен (политических, социальных) и одновременно боязнь последствий этих перемен — трагическое противоречие нашего времени. Ср.: *Все хотят, чтобы что-нибудь произошло, и все боятся, как бы чего не случилось* (Б. Окуджава). Синонимы *произойти* и *случиться* в данном случае превращаются в контекстуальные «оппозиты», создавая игровой эффект восприятия фразы.

Данная статья не претендует на исчерпывающее описание всех тематических и мотивных составляющих жанра политприкола. Однако совершенно очевидно, что этот жанр вполне вписы-

вается в игровой дискурс современной языковой ситуации, демонстрируя новые функции ЯИ — дискредитацию, профанизацию, иронизацию, эвфемизацию как средство косвенного выражения политических оценок. Воистину, применительно к жанру политприкола справедливы слова: *В шутку иногда можно сказать то, о чем даже подумать страшно* (А. И. Брежнев).

ЛИТЕРАТУРА

- Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.
- Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. — Екатеринбург, 2008.
- Виноградов Г. С. Детский фольклор // Из истории русской фольклористики. — Л., 1978.
- Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор. — М. : Флинта : Наука, 2002.
- Кожевников А. Ю., Тихонова Т. Б. Энциклопедия отечественных приколов. — М. : Олма Медиа групп, 2010.
- Щепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры : опыт этнографического исследования системы 1986—1989 гг. — СПб., 1993.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова